

И ЛЕНИН

паганды. В публикуемом отрывке разоблачаются чудовищный навет на Сталина, попытки набросить мрачную тень на его взаимоотношения с Лениным в последний период жизни Владимира Ильича.



ческие нападки на т. Сталина, не останавливаясь даже перед утверждением о якобы разрыве Ленина со Сталиным в последние месяцы жизни В.И., — писала М.И. Ульянова президиуму Объединенного пленума ЦК и ЦКК 26 июля 1926 года (Известия ЦК КПСС. 1989. №12. С. 195). Версию оппозиции 20-х годов спустя 30 лет и воспроизвел Хрушев. Но если прекратить сокрытие фактов и манипулирование документами, она тут же улетучивается.

21 марта 1923 года (не декабрь — 22 и не февраль — 23) Сталин направил членам Политбюро записку под грифом «Строго секретно». Именно ею помахал с телеэкрана 21.04.94 Волгогонов, именно ей не нашлось места в книге «Противостояние...».

«В субботу, 17/III, — писал генсек, — т. Ульянова (Н.К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном «просьбу Вл. Ильича Сталину» о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мною Н.К. говорила, между прочим, что «Вл. Ильич переживает немомальные страдания», что «дальше жить так нелегко», и упорно настаивала «не отказывать Ильичу в его просьбе». Ввиду особой настойчивости Н.К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия (В.И. дважды вызывал к себе Н.К. во время беседы со мной из своего кабинета, где мы вели беседу, и с волнением требовал «согласия Сталина», ввиду чего мы вынуждены были оба раза прервать беседу), я не считал возможным ответить отказом, заявив: «прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование». В. Ильич действительно успокоился.

Должен, однако, заявить, что у меня не хватил сил выполнить просьбу В. Ильича и вынужден от-

казаться от этой миссии, как бы она не была гуманна и необходима, о чем и довожу до сведения членов П. Бюро ЦК».

Записка выполнена на официальном бланке секретаря ЦК РКП(б). В верхней части листа имеются подписи читавших ее Г. Зиновьева, В. Молотова, Н. Бухарина, Л. Каменева, Л. Троцкого, М. Томского. Последний считал необходимым высказать свое мнение: «Читал. Полагаю, что «нерешительность» Ст. — правильно. Следовало бы в строгом составе чл. Пол. Бюро обменяться мнениями. Без секретарей (технич.)».

Документ ценен тем, что рассеивает мглу вокруг истории с мнимым отравлением Ленина Сталиным. Эта «история» всякий раз подается в ключе Троцкого. В своем знаменитом письме редактору «Лайфа» «Сверх-Борджа в Кремле» от 13 октября 1939 года Лев Давидович, освещая сюжет, не считал нужным даже упомянуть о записке Сталина и его отказе выполнить просьбу больного. Троцкий «забыл» и о *собственной подписи* на этом документе, все время делая демагогический нажим на то, что «Ленин видел в Сталине единственного человека, способного выполнить трагическую просьбу или непосредственно заинтересованного в ее исполнении» (Осмислить культ Сталина. М., 1989. С. 642). К сожалению, Троцкий туманно объясняет мотивы своего отсутствия в Москве в момент кончины Ленина. Зная все о состоянии Ленина от их общего лечащего врача Ф. А. Гетье, он за три дня до рокового исхода удалился врачевать некую инфекцию на юг. Зачем понадобилось это странное «алиби», до сих пор остается загадкой (См.: Müller A. Die Sonne, die nicht anging. Schuld und Schicksal Leo Trotzkis. Stuttgart, 1959. S. 271 п. а.).

Согласно Мюллеру, Гетье дважды посетил Троцкого в последние сутки накануне его отбытия из Москвы. Содержание их бесед с глазу на глаз, естественно, неизвестно. А вот другая, откровенно тенденциозная версия Ф. Д. Волкова. «Орудием для приведения в жизнь своих преступных замыслов, — утверждал он, — Сталин и Ягода (они ли? — Р. К.) избрали одного из лечащих врачей В. И. Ленина Федора Александровича Гетье — в то время занимавшего пост главного врача Боткинской больницы. Гетье был личным врачом семьи В. И. Ленина (и Троцкого. — Р. К.), и Владимир Ильич вполне доверял ему» (Взлет и падение Сталина. М., 1992. С. 66). Возможно, Волков и не ошибается, называя Гетье, но он вряд ли точен в остальном.

Непонятно, почему Троцкий попутно «забыл» Крупскую. Именно она, очевидно, больше всех знавшая о мучениях Ленина, упорно добивалась выполнения «гуманной миссии», которую не взял на себя Сталин. Не наше дело сейчас судить этих людей, бившихся в тисках межличностных и социальных противоречий, но правду о них писать мы обязаны.

Порочно заявление Куманева-Куликовой о том, что «фактически Сталин соглашался на соучастие в самоубийстве Ленина» (Противостояние... С. 55). Оно, как видим, опрокидывается запиской Сталина 21.03.23. Не потому ли авторы лишь упоминают этот важнейший документ, но почти не цитируют его?

С покушения на Ленина 30 августа 1918 года в среде пролетариата, людей труда, народе быстро крепло понимание, **кого** страна могла потерять по пагубной случайности, по злобному умыслу врага. В период болезни Владимира Ильича массовое ощущение его как **сердца** и **разума** революции, нового строя еще более обострилось. Символическое, идейно-правдающее, мобилизующие бытие исторического Ленина отделилось от индивидуальное-преходящее существование гражданина Ульянова. «Ага, — скажет «демократ», — появился культ личности»... А вот и нет, возразим мы. Авторитет и слава, уважение и преклонение, даже возведение в ранг мессии, — если это **соразмерно** гению и заслугам (а) и если это не подвержено **бюрократической** канонизации, не превращено в формально обязательный ритуал (б), — естественное явление в восходящем, правильно в главном определившем свою цель обществе. Здесь есть **культ творческого человека**, что нормально для здорового общества, но нет **культа личности**, который обычно связан с подменой действительно личностного достоинства конкретного человека преимуществами занимаемого им поста. Как раз первый из этих феноменов сейчас, когда жизнь смела и разматала много наносного и случайного, связан с именами Ленина и Сталина, хотя споры вокруг них будут еще продолжаться. Сталину тут особенно не повезло. На долю Ленина выпали пять лет отчаянной обороны и неистовой поисковой работы, формирование идейной основы социалистической общественной системы, закладка ее фундамента и первых кирпичей. Сталин персонально отвечал за судьбу Советской государственности три десятилетия. Он возводил ее и вместе с тем становился ее атрибутом. Его величали «хозяйин» и одновременно делали пленником. Лишь историческая несостоятельность Хрущева — Брежнева — Горбачева, чье служебное положение служило базой «культа безличности» и чьи усилия напоминали попытки крыловской лягушки вырасти до Вола, позволяют сейчас расставить всех этих деятелей по своим местам. Как, впрочем, и начать (именно *начать!*) наконец разобраться с тем, что такое культ личности на самом деле.

Ленину не дали умереть, как Лафаргам. Никто не задается простейшим вопросом: разве яд был недоступен помимо Сталина, тем более, что родной брат Владимира Ильича, Д. И. Ульянов, практиковал как врач? Но нельзя забывать, что Ленин считал себя прежде всего человеком партии. Это было в его натуре. Партии принадлежали и его жизнь и его смерть. Он отчетливо сознавал общественное, мировое значение обеих. В последние месяцы своего земного пути он жил уже как явление массового сознания и широчайшей со-

циальной практики, вне истерзанного свирепым недугом тела. Распаржение собой в отличие от Поля и Лауры не могло быть его частным делом. Он это прекрасно понимал и связывал решение своей судьбы всецело с волей ЦК.

Его сразу не раскусишь

Ошибки Сталина, омрачившие его взаимоотношения с уходящим Учителем, труднообъяснимы психологически. В частности, к проекту автономизации он, судя по всему, уже никогда больше не возвращался, стремясь, напротив, увеличивать число республик — членов Союзной Федерации и находя более гибкие (по сравнению с прямыми мерами перехода от федерализма к унитаризму) формы укрепления общерусского, природно-интернационалистского государстваобразующего культурно-исторического начала.

«Центризм» (даже, если угоден, правый уклон) в вопросе о монополии внешней торговли и вовсе непонятен. Обращение Ленина — фактически против Сталина и большинства ЦК — к Троцкому являлось серьезным политическим поражением Сталина. Его поведение в этой ситуации может быть мотивировано только двумя причинами: либо пока что неопытностью генсека (и это маловероятно), либо временным маневрированием, стремлением, *теряя Ленина*, как-то привязать к себе Зиновьева и Каменева, создавая антитроцкий блок. Отклонений от ленинской линии в вопросе о монополии у Сталина потом не отмечалось.

Ценные суждения, меткие наблюдения о деятельности Сталина в этот период содержатся в письмах Назаретяна, который под его началом непосредственно занимался реорганизацией аппарата ЦК.

14.06.22: «Доволен ли я работой? И да, и нет. С одной стороны, я прохожу здесь большую школу и в курсе всей мировой и российской жизни, прохожу школу дисциплины, вырабатывается точность в работе, с этой точки зрения, я доволен, с другой стороны, эта работа чисто канцелярская, кропотливая, субъективно малоудовлетворительная, черная работа, поглощающая такую уйму времени, что нельзя чихнуть и дохнуть, особенно под твердой рукой Кобы. Ладим ли мы? Ладим. Не могу обижаться. У него можно многому поучиться. Узнав его близко, я проникся к нему необыкновенным уважением. У него характер, которому можно завидовать. Его строгость покрывается вниманием к сотрудникам. Цека приводим в порядок. Аппарат заработал хоть куда, хотя еще сделать нужно многое... Ильич здоров. Он теперь будет под постоянным наблюдением опытных врачей. В работе все-таки ухищряется принимать самое активное участие».

12.07.22: «Ильич совсем поправился. Ему разрешено сегодня заниматься. Не беспокойтесь (письмо адресовано Орджоникидзе. — Р. К.). Сейчас совсем хорошо. Вчера Коба был у него. Ему приходится бить Ильича и всю матушку Рассаю».

19.07.22: «...О здоровье Ильича могу тебе сообщить, что он уже настолько хорошо опять чувствует себя, что каждый день шлет письма Кобе, а последний злится, опасаясь, что он опять переутомит себя. Ну, через месяц — два, видимо, Ильич опять по-старому примется за работу».

09.08.22: «Коба меня здорово дрессирует. Прохожу большую, но скучнейшую школу. Пока из меня вырабатывает совершеннейшего канцеляриста и контролера над исполнением решений Полит. Бюро, Орг. Бюро и Секретариата. Отношения как будто не дурные. Он очень хитер. Тверд, как орех, его сразу не раскусишь. Но у меня совершенно иной на него взгляд теперь, чем тот, который я имел в Тифлисе. При всей его, если так можно выразиться, разумной дикости нрава, он человек мягкий, имеет сердце и умеет ценить достоинства людей. Ильич имеет в нем безусловно вернейшего цербера, неустрашимо стоящего на страже ворот Цека РКП. Сейчас работа ЦК значительно видоизменилась. То, что мы застали здесь — неопишимо скверно... Но все же мне начинает надоедать это «хождение под Сталиным»...» (Большевистское руководство... С. 256—257, 259, 260, 262—263).

На фоне этих и многих других перипетий (один закавказский узел чего стоит!) по-интеллектуально мелко выглядит тот выплеск амбиций, в который Крупская втянула и без того измотанного и взвинченного Ленина. Похоже, что она не сообщила ему об обычной уставной норме, на которую указал Сталин: нарушаешь решение ЦК — изволь по-партийному отвечать перед Контрольной комиссией. В результате вышли смысловые «ножницы». Принципиально Сталин не мог «взять сказанное назад» относительно ЦКК и принять правило: «сделанное против жены я считаю сделанным и против меня», — это было совершенно не похоже на Ленина, сам Ленин воспитывал его *иначе*. Поэтому Сталин, выполнив требование формально извиниться, не скрыл и того, что вместе с тем отказывается «понять, в чем тут дело, где моя вина» и чего собственно от меня хотят». Ученик выходил на горизонты Учителя, в то время как ослабевший организм Учителя уводил его в физическое небытие.

Ныне, после бесчисленных «художеств» антисталинских, а потом и антиленинских кампаний требуется по сути заново рассмотреть наследие Сталина в его отношении к ленинизму. Обширная старая (вышедшая до середины 50-х годов) литература декларативна и апологетична, а сменявшая ее писанина, как правило, воспроизводит эту «методологию» с точностью до наоборот и, главное, силится как можно дальше оттащить Сталина от Ленина, нарисовать картину всевозможных отклонений, нарушений и отходов первого, сшибить их между собой. Разумеется, вакуум не образуется. Освободившееся место тут же заполняют Троцкий и братия «советологов», которым несть числа.

Раскроем работу Сталина «Об основах ленинизма». С первых же страниц автор берет быка за рога, дает определение предмета. «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции, — чеканит он. — Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности». С этими положениями можно спорить, их не запрещено уточнять или же заменять более совершенными, но с ними и можно работать.

А вот что пишет Троцкий: «Ленинизм, как система революционного действия, предполагает воспитанное размышлением и опытом революционное чутье, которое в области общественной — то же самое, что мышечное ощущение в физическом труде» (К истории русской революции. М., 1990. С. 191). Ленинизм — это «внешнее сгущение марксизма для непосредственного революционного действия в эпоху империалистической агонии буржуазного общества» (Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство. Пг., 1922. С. 28) и т. п. Согласитесь, ни спорить, ни работать с этими «сгущениями» златословия просто нельзя. У Троцкого десятки прекрасных, завораживающих страниц о Ленине, его учении, поступках и т. д. Он увлекает своими рассказами о виденном, но у него нечему поучиться. Даже любимую свою и единственную теорию перманентной революции он излагает на редкость назойливо и невнятно. Сталин сух, логичен, порой схематичен, но сразу видно, чего он хочет и куда ведет. Из текстов Троцкого обычно выпирает собственная гордыня, своеобразное «во-что-бы-то-ни-стало-из-кожи-вон-вылезание», позерство в стиле Якобинского клуба, автоматически предопределенной «избранности». В отличие от беллетристического парения Льва Давидовича Сталин (по Троцкому, «организатор без кругозора») клонит к деловитости и безличности, не подражает даже Ленину, проявляет органическое ощущение ведомой массы и говорит с нею на ее обычном языке.

Общая черта руководителей послеленинского периода советской истории состояла в том, что все они без исключения претендовали на то, что живут, трудятся, управляют «по Ленину». Но никто из них, исключая **одного** Сталина, не проделывал **соответственной** работы. Только Сталин превратил имя предшественника **в святыню**, тогда как Хрущев устроил вокруг памяти Сталина несусветный шабаш, Брежнев придумал для Хрущева псевдоним «волонтеризм», Горбачев, и вовсе как дикарь, променял социалистическое первородство на звание «лучшего немца года», херши-колу и пиццу-хат. Еще до войны ходила легенда, что Сталин глубокой ночью приходит в Мавзолей и часами просиживает, глядя на светлый профиль Ильича. О чем он думал, какие принимал решения? Имели ли его преемники такую же потребность в мысленном совете со своим Учителем, в духовной опоре на кого-либо вообще? Не в этой ли *тяге к высокому* наиболее сокровенный источник успеха деятеля, которого и с восторгом и с содроганием вспоминает мир? Как-то Кутузов получил от поэтессы А. П. Буниной оду, где чаша весов с кровью воинов перевешивает чашу с Москвой. «...Я «весил Москву не с кровью воинов», — сердито отозвался Михаил Илларионович, — а с целой Россией и с спасением Петербурга и с свободой Европы» (Письма и записки. М., 1989. С. 448). Сталину приходилось производить такое «взвешивание» чуть ли не каждый день.

«Фарисей буржуазии, — писал Ленин в 1910 году, — любят изречение: de mortuis and bene and nihil (о мертвых либо молчать, либо говорить хорошее). Пролетариату нужна **правда** и о живых политических деятелях и о мертвых, ибо те, кто действительно заслуживает имя политического деятеля, не умирают для политики, когда наступает их физическая смерть. Фарисей буржуазии к концу века безнадежно измельчали. Пораженные хроническим спидоумием, не будучи в состоянии предложить сколько-нибудь привлекательную, зовущую идею живым, они изменили своему старому правилу и без конца ворошат и перемывают кости мертвых. Мусор продолжает сыпаться на могилу Сталина, но сдувается теперь ветром истории быстрее, чем накапливается. Время правды о нем только еще наступает. Надо сделать все, чтобы этому никто не помешал.